

АЛЕКСАНДР МАРО

Восемь дней осени

Александр Маро

Восемь дней осени

«Издательские решения»

Маро А.

Восемь дней осени / А. Маро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505809-6

Лондон. 1953 год. Сенсационное известие о самоубийстве советского дипломата А. И. Смолина всколыхнуло просторы Туманного Альбиона. За расследование загадочного происшествия берется американский журналист Джеймс Альберт Колдбери, на поверку оказавшийся не кем иным, как агентом советской разведки. На пути к разгадке ему придется пережить многое: любовь, предательство, отчаянную погоню по улицам Лондона, и поучаствовать в большой игре Востока и Запада — и все это за восемь дней.

ISBN 978-5-00-505809-6

© Маро А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1.	7
Часть 2.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Восемь дней осени

Александр Маро

© Александр Маро, 2020

ISBN 978-5-0050-5809-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Исторические этюды наполнены трагическими переживаниями и эпической силой исчезнувших времен и явлений. Прошлое блесит в них ослепительной гаммой невыцветающих красок, и кажется, будто они чище и краше серых дней обыденности.

Произведение, написанное мной, окутано в живую ткань историзма, имеющего в глазах автора собственный блеск и сияние, и дополненное – на его вкус – художественным драматизмом, а также деталями, вымышленными или реальными. Засим верю, что оно будет интересно как само по себе, так и в свете исторических перипетий.

Часть 1. (вторник, 21 сентября 1956 года)

Тлеющая сигарета, повисшая на стеклянном ребре пепельницы, пёстрая керамическая чашка с крепко заваренным чаем, графитовый карандаш, пара листков бумаги и уже потрёпанный, несвежий номер газеты The Sunday Times – всё это в хаотичном порядке украшало собой массивный дубовый стол, занимавший добрую половину и без того не слишком большого номера отеля. Рядом, расположившись на деревянном стуле с удобными подлокотниками и задумчиво подперев руками голову, сидел молодой человек. Его усталый взгляд блуждал между газетой и окном, наполовину закрытым плотными портьерами соломенного цвета. Совершенно очевидный факт туманности нового дела лишь сильнее изматывал разум многочисленными вопросами. Лениво потянувшись, постоялец сделал очередной глоток терпкого чая и вновь перечитал злосчастную статью двухнедельной давности. В заметке с кричащим заголовком, отпечатанным броским шрифтом, говорилось следующее:

«Сегодня утром от одного из наших конфиденциальных источников, приближённых к Скотленд-Ярду, в редакцию поступило сенсационное известие. В доме номер 23 по улице Холборн найдено тело советского дипломата Андрея Ивановича Смолина. По предварительным данным, которыми располагает полиция, речь идет о самоубийстве. Об этом свидетельствует ряд характерных признаков, в том числе предсмертная записка, найденная в квартире убитого. Следов насилия в помещении обнаружено не было. Предположительно самоубийство совершено где-то между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи, именным револьвером системы Нагана. Напомним: советский дипломат в течение последних трёх лет жил и работал в Лондоне, где занимал должность первого секретаря в посольстве СССР».

«Что ж, – подумал молодой человек, – уверенность полиции Лондона – это серьезный аргумент в деле, шум от которого не затих до сих пор. Факты, улики, показания – всё с педантичной аккуратностью сведено в единую цепь событий и отработано в готовый материал для уголовного судопроизводства. И всё же одна деталь каким-то образом ускользнула от следствия, оставив без ответа главный вопрос: зачем преуспевающему дипломату, чей послужной список мог вызвать зависть даже у самых бескомпромиссных карьеристов, пускать себе пулю в висок? Столь отчаянный шаг должен быть вызван неразрешимым внутренним конфликтом, в то время как суть его осталась неизвестной. Будто его и вовсе не было».

Молодой человек погладил острый щетинистый подбородок, и долгий ход его размышлений внезапно прервало чувство проснувшейся усталости. На некоторые особенности его работы организм всегда отвечал одинаково. Долгий перелёт и бессонная ночь (которая по счёту в его карьере) безжалостно тянули ко сну, будто наливая веки тяжёлым пудовым свинцом. Тряхнув головой и решительно отбросив в сторону стон уставшего сознания, он вернулся к прежнему занятию.

– Итак, – чуть слышно пробормотал он, – всё сомкнулось на рваном клочке бумаги, найденном на газетном столике советского дипломата. Главная улика, центральная ось в конструкции...

Ровный почерк, отлив из чернил слова «Я виноват», стыдливо умолчал о причинах испытываемой вины, приведших к столь драматичным последствиям. Графологическая экспертиза, подтвердив его подлинность, замкнула беспорядочный круг дискурса о скандальном самоубийстве Смолова. И всё-таки в этом деле оставалась какая-то червоточина. Странная, загадочная тень её присутствия заставляла действовать настороженно и с опаской.

Небольшое помещение вновь заволочло клубами сизого табачного дыма. Через приоткрытое окно доносился шум припустившего дождя, и пушистый чёрный котяра, обследовавший подвесные кашпо с цветами, наострив уши, метнулся к ближайшему балкону.

– Да-а-а-а, задачка! – протянул молодой человек, любуясь разыгравшейся игрой стихии.

«Решать её следует путём детального углубления в детали. Дьявол, как известно, кроется именно там. В таком случае с чего же лучше будет начать? Может быть...» – Мысль, так и не доведённая до логического завершения, оборвалась громким стуком, прокатившимся по комнате, словно недостающий удар грома. Молодой человек невольно вздрогнул, но, тут же взяв себя в руки, поднялся со стула и в пять шагов преодолел расстояние, отделявшее его от двери.

– Кто там? – поинтересовался он на хорошем английском.

– Мистер Джеймс Колдбери? – послышалось за дверью.

– Да, что вам угодно?

На этот раз в речи постояльца номера отчётливо послышался характерный американский акцент.

– Меня зовут Брюс Хэндри, и у меня для вас письмо от дядюшки Сеймура, – медленно, рассыпая слова на тянущиеся слоги, проговорил незнакомец. Он явно воспроизводил из памяти хорошо заученное предложение, тщательно стараясь ничего не перепутать.

Щёлкнул замок, и дверь приоткрылась. На пороге появился высокий джентльмен с аккуратными чертами лица и тощей шеей, костлявые пальцы которого нерешительно переминали поношенную фетровую шляпу. На узких плечах визитёра висел помятый однотонный пиджак серого цвета, а на коленях топорщились казавшиеся великоватыми брюки. В одной руке он сжимал сложенный вдвое макинтош, и, как заметил Джеймс, плащ был сухим – значит, человек, стоявший в коридоре, успел попасть в здание отеля ещё до дождя.

– Я пройду? – вежливо поинтересовался незнакомец, окидывая взглядом больших светло-серых глаз тусклое, казавшееся пустым помещение.

– Конечно.

Джеймс сделал знак рукой и послушно, как подобает радушному хозяину, отошёл в сторону.

Скинув плащ на спинку стоявшего неподалёку стула, с успехом заменявшего в небольшой комнатке вешалку, и закрыв за собой двери, Хэндри обратился к молодому человеку, чей взгляд внимательно анализировал малейшие детали в чертах его лица.

– Честно сказать, я вас представлял немного другим.

– Высоким голубоглазым блондином? – с серьёзным видом поинтересовался Джеймс.

– Нет, – ухмыльнулся англичанин, – но несколько иначе. У вас, мне кажется, вполне обывательская внешность, хотя, надо сказать, и не лишённая известной доли привлекательности.

– Что поделать, мистер Хэндри, моя внешность – всего лишь удачное подспорье в моей работе. К тому же одежда, – Брюс ещё раз оглядел крепкую, жилистую фигуру «американца», на которой плотно сидел двубортный пиджак тёмного цвета, скрывая под собой белую, гладко отутюженную рубашку, – является не чем иным, как зеркалом человеческого статуса, оттягивая часть внимания на себя.

– Плоть от плоти представитель среднего буржуазного класса! – подметил догадливый англичанин.

– Именно, – подтвердил Джеймс. – И всё же не стойте в проходе. Прошу, проходите!

Хэндри уверенным, не стеснённым шагом подошёл к столу. Его взгляд, на секунду остановившись на скуластом лице Джеймса, тут же пробежал по скудному интерьеру комнаты, зацепив за чем-то край выкрашенного в белый цвет потолка. Словно удостоверившись в своей безопасности, он с видимым облегчением плюхнулся на стул.

– Фуф... устал немного, – пояснил Хэндри.

– Может быть, чаю? – поинтересовался «американец», присаживаясь напротив.
– Нет, благодарю, мистер Колдбери. Я не совсем типичный англичанин и, признаться, не люблю чай.

– В таком случае вы ставите меня в неловкое положение.

– Разве? – удивился Хэндри.

– Да... Мне решительно нечего вам предложить.

– О-о, не переживайте по этому поводу! Поверьте, я не голоден.

– Ну что ж, тогда перейдём непосредственно к делу.

Привстав, Джеймс одёрнул край своего пиджака, разгладив появившиеся складки, и, скрестив руки за спиной, стал неторопливо прохаживаться по комнате.

– Итак... – начал было Джеймс.

– Итак, – неожиданно подхватил Хэндри, взяв инициативу на себя. – Вы – гражданин США Джеймс Альберт Колдбери, репортёр американской газеты *Aurora News* со штаб-квартирой в штате Иллинойс. Приехали в Великобританию на конференцию Трансатлантического союза журналистов, который пройдёт здесь, в Лондоне, с двадцать четвертого по двадцать седьмое сентября.

«Американец», не ожидавший подобной прыти от своего собеседника, удовлетворённо кивнул, давая возможность Хэндри полностью оговорить заученную «легенду».

– Это что касается вас, – продолжил Хэндри. – Теперь обо мне. Меня, как вы уже, наверное, знаете, зовут Брюс Хэндри. По профессии я инженер, работаю в английской строительной фирме «Ройс и компания», базирующейся в Ливерпуле. В Лондоне нахожусь проездом.

Хэндри ненадолго смолк, скрипнув стулом в ожидании возможных вопросов, однако, не найдя в Джеймсе желания вмешиваться, заговорил вновь:

– О вашем прибытии был извещён почти две недели назад. В инструкции, которая была доведена до моего сведения, от меня требовалось по возможности прибыть в Лондон к известному числу, в данный отель, где за мной был забронирован номер. И встретиться с вами...

– Отлично! – медленно протянул, словно растягивая удовольствие, Джеймс. – Родных и знакомых в Лондоне, как я понял, у вас нет?

– Нет, – подтвердил Хэндри.

– А кого-нибудь, кто мог бы узнать в вас мистера Брюса Хэндри?

– Исключать такой возможности, конечно же, нельзя, – немного поразмыслив, заключил Хэндри, – но мне всё-таки кажется, что вероятность такого события крайне невелика.

– Что ж, – свободно выдохнул Джеймс, удовлетворившись первыми сведениями. – Хорошо. Вам, должно быть, известно, для какой цели вас попросили прибыть в Лондон?

– Я думаю, для того, чтобы оказывать вам всяческое содействие... если, конечно, вам нужна будет моя помощь.

– Она будет мне просто необходима, – уверил Джеймс. – Но всё же о деталях, как я понял, вы не осведомлены?

– Нет, сэр, – честно признался Хэндри.

Наконец прекратив размеренно расхаживать по комнате, Джеймс подошёл к окну и лёгким движением руки одёрнул занавеску в сторону; помещение тут же залило тусклым, смазанным серым полотном сплошных туч, светом. Улица, покрывшаяся плотной пеленой бушевавшего дождя, казалась бесцветной и унылой, будто кто-то набросал её графитовым карандашом на белое полотно бумаги.

– Разрешите полюбопытствовать, сэр? – негромко заговорил Хэндри, словно боясь оторвать Джеймса от его невольного любования.

– Спрашивайте, – не поворачивая головы отозвался Джеймс.

– У вас великолепный английский.

– Спасибо.

- И совершенно естественный американский акцент.
- Допустим.
- А вы действительно американец?

Будто не расслышав вопроса, Джеймс ещё пару секунд постоял у окна, всматриваясь в мутные потоки воды, бежавшие по серым мощёным улицам. Наконец, словно вырвавшись из плена раздумий, он машинально задёрнул занавеску и, повернувшись к своему собеседнику, заговорил мягким, доверительным тоном:

– Мистер Хэндри, давайте с вами договоримся: вопросы, касающиеся моей личности, я буду вынужден оставлять без ответа. Поэтому предлагаю не тратить на них время и перейти непосредственно к делу.

– Да-да, конечно, – виновато пролепетал англичанин, – извините, это просто любопытство, не более того.

– Я понимаю. Но все-таки вернемся к делу. Итак, мистер Хэндри, слушайте внимательно, что вам предстоит сегодня сделать. Сейчас три часа пополудни. До вечера я не стану посягать на ваше личное время – вы вольны проводить его так, как вам заблагорассудится. Но... ровно в десять часов вечера вам предстоит прогулка по Гайд-парку. Сначала вы окажетесь на главной аллее, примыкающей к Оксфорд-стрит. По ней вы пройдёте триста метров и справа от себя увидите табличку, указывающую направление на озеро Серпентайн. Повернёте налево. Дальше ориентируетесь по лавочкам. Третья лавочка от поворота – ваша. Вы запомнили?

– Конечно! Главная аллея, направление на Серпентайн, третья лавочка, – повторил англичанин. – К тому же, это место мне хорошо знакомо. Я неоднократно бывал в королевском парке, и имею представление о том, как он устроен.

– Вот и отлично! – продолжил Джеймс. – Недалеко от лавочки вы увидите остроконечный куст ягодного тиса, в основании которого будет уложен небольшой чёрный валун. Внимательно следите за тем, чтобы никто не наблюдал за вами. Вольно или нет, но вы можете привлечь к себе ненужное внимание. Не нервничайте. Старайтесь вести себя естественно. Убедитесь, что никого рядом нет, и только потом действуйте.

– Тёмный камень... – задумчиво проговорил Хэндри, – что-то не могу никак припомнить его.

– Если будете следовать инструкциям, то без труда его обнаружите. Вы всё запомнили?

– Да-да, конечно.

– Отлично! Под основанием камня вы найдёте конверт, и как только он окажется в ваших руках, тут же, не теряя ни минуты, спешите ко мне.

– Так просто? – удивился Хэндри.

– Фактически – да. Но будьте осторожны, помните: внимательность и аккуратность. Следите за тем, что делается вокруг. Любая мелочь, любая незначительная деталь может привести к роковым для нас последствиям.

– Я всё прекрасно понимаю, мистер Джеймс, но... что если вдруг у меня возникнут сомнения?

– Что вы имеете в виду? – осведомился Джеймс.

– Ну что если я почувствую что-то неладное: быть может какое-то нестандартное поведение, или излишняя внимательность случайных прохожих?

– В таком случае бросайте всё и немедленно следуйте в гостиницу.

Хэндри устало улыбнулся:

– Можете на меня положиться – я сделаю всё, как вы сказали.

Джеймс молча кивнул, вполне удовлетворившись этими словами. За свою жизнь ему приходилось иметь дело с огромным количеством людей, от сущности которых зачастую зависела его судьба. Подлецы, честолюбцы, ярые фанатики – многообразие человеческих характеров научило его со временем безошибочно просчитывать их возможности. Брюс Хэндри от всех

прочих отличался стройностью своих убеждений и ясностью ума, которая как нельзя лучше характеризует ответственных исполнителей.

– Хорошо! – наконец подытожил Джеймс. – В таком случае я не вижу причин вас больше задерживать.

– Значит, я могу быть свободен? – на всякий случай переспросил Хэндри.

– Конечно.

– Вот и отлично! – Хэндри устало зевнул и с явным облегчением расправил затёкшие плечи. – С удовольствием посвящу пару часов своего свободного времени сну – дорога вымотала меня, словно хорошая суточная работа.

– Понимаю, – мягко заключил Джеймс. – Только, пожалуйста, не забудьте о моей просьбе, это очень важно.

– Не переживайте, мистер Колдбери. Я человек слова. Ровно в десять, минута в минуту, я буду в Гайд-парке.

Захватив плащ и распрощавшись с постояльцем номера, Хэндри вышел в коридор, слегка освещённый вереницей декоративных светильников в стеклянных плафонах. Не оборачиваясь, быстрыми шагами он двинулся прочь, унося с собой жгучее желание проявить себя в новом деле. Джеймс проводил его взглядом до самого выхода, и только когда долговязая фигура англичанина исчезла в изгибе лиловых, будто от опустившегося заката, стен, захлопнул дверь. Самое время было подумать над исходным материалом. Взяв листок бумаги и небольшой графитовый карандаш, он сел за стол; слегка откинулся на спинку стула, размял отекающую шею, и повертев в руках карандашом, принялся писать.

«АРКО» – ровные серые линии карандаша ложились красиво.

«С этим всё понятно, – подумал „американец“. – Англичанин, инженер, был завербован добровольно по линии „Коминтерна“, ярый марксист. Человек левых взглядов, эмоционален, с болезненным чувством справедливости. Далее!».

Вновь под его рукой вспыхнули ряды изящных букв, выводя на листке бумаги блуждающий ход мыслей.

«„ДИПЛОМАТ“ – фигура Х. Человек наверняка владеющий ценной информацией. Отсюда вывод: имеющий особый интерес специальных служб. Убит... причина?» – «Американец» тяжело вздохнул.

Вновь запись.

«„ЛИС“ – работник британского МИДа. Демобилизованный вояка. Завербован в сентябре 1918 года в Архангельске, во время своей службы в рядах оккупационных войск Антанты. Лицо крайне информированное. Доступ ограничен, но все же открыт. Необходима встреча...».

Запись.

«„ПРЕДСТАВИТЕЛЬ“ – фигура высокого ранга. Резидент внешней разведки, подполковник МГБ. Связь только по скрытым каналам. Возможность личной встречи нежелательна. Пока вопрос». И «американец» напротив своей записи вывел жирный знак вопроса.

«Кто ещё? Нет, всё! Теперь нужно подумать, как лучше разложить этот пасьянс».

«Американец» нервно ткнул карандашом в красиво выведенную запись «ЛИС», так что тоненький стержень чуть слышно хрустнул и откололся, оставив на бумаге серую точку.

«С него и начнём!».

Часть 2. (21— 22 сентября 1956 года)

Глухой стук в дверь продрался сквозь тишину чёткой резвостью отпущенных ударов. Два коротких раза, пауза, два длинных. Сквозь сон Джеймс верно уловил ритм. Отработанный мощный рефлекс подбросил его тело вверх, пока сознание ещё перемалывало последние остатки глубокого сна. Почти машинально он спрыгнул с застеленной шерстяным пледом кровати и сквозь бледно-розовый полумрак, освещённый тусклым светом настенного бра, двинулся к двери.

– Кто? – тихо буркнул «американец», остановившись в метре от дверного проёма.

– Это я, мистер Колдбери, – за дверью послышался уже знакомый, с характерным тембром голос. – Брюс... Брюс Хэндри.

Пытаясь припомнить смутный момент своего отключения, Джеймс кинул быстрый взгляд на висевшее в коридоре зеркало в деревянной округлой оправе и, найдя себя всё в том же костюме – слегка помятом, но совершенно новом и ладно подогнанным под его крепкое тело, – скупое заключил: всё-таки усталость. Отыскав в карманах брюк ключи, он медленно вложил их в замок и, отщёлкнув заслонку, отвёл дверь в сторону. На пороге показалась закутанная в темно-синий шерстяной плащ фигура Хэндри с тревожными, блуждающими под широкими бровями глазами.

– Вот, сделал, как вы просили. – Он протянул руку, в которой небрежно был смят конверт пепельно-белого цвета.

– Прошу вас, не стойте на пороге, – хмуро проговорил Джеймс. – Войдите внутрь.

Хэндри понятиливо кивнул и, переступив порог комнаты, замер у самой стены, внутренне готовясь разразиться объяснениями. В коридоре гостиницы стояла тишина, отель был по большей части пуст, и лишь где-то внизу, этажом ниже, слышалось лёгкое оживление редких постояльцев. Захлопнув двери и заперев их на ключ, Джеймс внимательно оглядел конверт, мимоходом поинтересовавшись:

– Что-то случилось?

– Я не уверен, – тихо проговорил Хэндри, стараясь не нарушать воцарившейся тишины, – но мне показалось, будто за мной следили.

Наморщив лоб, «американец» впился взглядом в тревожное лицо Хэндри, отчего последнему сделалось слегка не по себе.

– С чего вы так решили? – глухо спросил Джеймс.

– Я... я не знаю, – замялся Хэндри, подёргивая узкими плечами. – По крайней мере, в Гайд-парке всё было прекрасно. Конверт лежал под основанием тёмного камня, как вы и говорили. Прежде чем извлечь его наружу, я внимательно наблюдал за тем, что делается вокруг, и готов поклясться, что никто не обратил на меня внимания. Но... – Хэндри ненадолго смолк и попытался подобрать внятное объяснение странному ночному инциденту.

– Что было дальше? – торопил Джеймс, не сводя глаз с бледного худого лица англичанина.

– Дальше... – дрогнув тонкими губами, проговорил Хэндри. – Дальше я вышел за ворота, и мне показалось... – Он невольно запнулся. – Да-да, показалось, будто кто-то крадёт за мной. Несколько раз я оборачивался, проверяя, нет ли за мной слежки, но... так ничего и не обнаружил.

– Может быть, вам действительно просто показалось? – предположил Джеймс.

– Не знаю, – честно признался Хэндри, – может быть. Но всё же в одном я уверен точно: даже если слежка и была, мне удалось от неё оторваться.

– Вот как! – Джеймс снисходительно ухмыльнулся. Казалось, этот неугомонный англичанин в своём пылающем воображении сочинил себе роль секретного агента, смело преодолевающего возникшие на его пути преграды, и сам же сыграл её. Такой сюжет щекотал нервы и заставлял отвлечься от вязкой трясины ежедневного быта. Быть может, в нём проснулась жажда приключений и разыгралась фантазия. Отсюда и мания преследования.

– Зря смеётесь, – словно прочитав ход неуловимых мыслей, ответил Хэндри. – Помните, я говорил, что уже не раз бывал в Лондоне? Так вот, для себя я уже давно выработал правило: хочешь узнать город – пройди по его улицам. Нужно посвятить этому занятию некоторое время, и желательно в компании с самим собой, чтобы ничто не отвлекало от созерцания дворов и уличных проспектов. Совершенно случайно во время одной из таких прогулок я наткнулся на очень интересный дом с давней историей. Он расположен на Карн-стрит и, как говорят, когда-то принадлежал какому-то дальнему родственнику кайзера Вильгельма. В общем, то ли у немецкого аристократа были проблемы с английским законодательством, то ли просто человек был странных нравов, но внутренний двор этого чудесного домика выстроен в виде небольшого лабиринта с несколькими выходами на разные улицы. Я бывал там неоднократно и научился безошибочно определять, куда ведут эти извилистые ходы. Проведав нехитрый трюк, быстро оказался на Грейвен Хилл Гарденс, в то время как мои преследователи – если, конечно, это не плод разыгравшегося воображения – должны были очутиться где-нибудь на Ланкастер Гейт. В любом случае, с этого момента я почувствовал себя куда спокойнее.

Джеймс восхищённо покачал головой, явно не ожидая такой прыти от скромного английского служащего.

– А вы, мистер Хэндри, не так просты, как кажется!

Англичанин, польщённый неожиданным комплиментом, расплылся в улыбке:

– Благодарю вас... но всё же я выполнил ваше поручение?

– Вне всяких сомнений.

– И значит, я могу быть свободен.

– Да, – не возражал Джеймс, – можете. Только одна небольшая деталь: вам нужно будет сменить место проживания.

– Вы считаете... – попытался было развить мысль Хэндри, но Джеймс мягко оборвал его.

– Всего лишь предполагаю, – спокойно проговорил он. – Вам предстоит переехать в отель на соседней улице, в комнату номер сто четыре. В начальной инструкции его адрес был указан.

– Да-да, я помню, – подтвердил Хэндри.

– Деньги и документы?

– Всё со мной.

Хэндри похлопал себя по карманам и только сейчас вспомнил, что оставил всё в номере – кажется, в шкафчике у самой кровати.

– Отлично! – буркнул Джеймс. – Не называйте своего настоящего имени и фамилии ни в коем случае – теперь вы Джейри Фокс. Так, возьмите ключи.

Джеймс достал из кармана брюк небольшой ключ и протянул его Хэндри

– Гостиница оплачена на неделю вперёд, – продолжил он. – Там же найдёте немного наличных на случай непредвиденных расходов.

– А они могут возникнуть? – простовато обронил Хэндри, забрав ключ себе.

Джеймс снисходительно улыбнулся.

– Да-да, конечно, я всё понял.

Хэндри отчего-то вновь пошарил в карманах плаща, но, не найдя в них ничего, кроме пары ключей от разных гостиничных номеров, учтиво осведомился.

– Переехать мне нужно сейчас?

– Да, и желательно без лишних промедлений, – поторопил Джеймс.

– Что ж, в таком случае...

– Не смею вас больше задерживать.

Джеймс улыбнулся снова, но на этот раз настолько дежурно и отчуждённо, что Хэндри и в самом деле решил не задерживаться. Попрошавшись, он открыл дверь и, выйдя в коридор, неспешно потянулся к выходу, держа в уме новый адрес своего проживания. Впрочем, едва он отошёл от двери, как Джеймс тут же окликнул его:

– Одну минуту, мистер Джейри!

Долговязая фигура англичанина остановилась аккурат возле небольшого полотна флорентийского пейзажа, втиснутого в узкий кусок стены между стеклянными тюльпанами светильников. Непривычное имя слегка резануло слух, но сознание, кажется, уже свыклось с подобной метаморфозой.

– Нам нужно каким-то образом поддерживать связь, – попытался объяснить Джеймс. – Обстоятельства могут вынудить меня вновь воспользоваться вашими услугами, и тогда, – он заговорил тише и чуть медленнее, – мы поступим следующим образом. Под дверь вашего номера я заброшу клочок бумаги, на которой будет написана буква «Т».

– «Т», – негромко повторил англичанин.

– Да. Это будет сигналом к тому, что я вас искал. Обнаружив её у себя в номере, вы должны будете, не теряя времени, снова вернуться в этот отель и найти меня.

– А почему именно «Т»? – вдруг полюбопытствовал Хэндри.

– Таинственная буква, – глухо пояснил Джеймс. – В ней много скрытого символизма.

Хэндри задумался, натужно пытаясь понять, шутит Джеймс или говорит серьёзно. Но, так и не придя к окончательному выводу, лишь изобразил на уставшем лице тонкую улыбку.

– Так что будьте внимательны, когда открываете дверь в номер, – предупредил Джеймс.

– А если моя помощь больше не потребуется?

– Ну, в таком случае поживёте в номере ещё с недельку и можете смело отправляться домой, позабыв обо всём, что с вами происходило в Лондоне.

Хэндри покачал головой. По чести сказать, его миссия казалась ему невыполненной, и отчего-то безумно хотелось попробовать свои силы ещё раз, поучаствовать в чём-то большом и опасном, но откровенно столь необходимом делу строительства нового лучшего мира, – его делу. Что ж, теперь приходилось лишь ждать; ждать – то, чего молодой ещё инженер Брюс Хэндри переносил меньше всего на свете. На его лице, как-то совсем против его воли, возникла гримаса огорчения. Он глубоко вдохнул ноздрями сухой воздух гостиничного коридора и скупно обронил:

– Я всё понял.

– Ну, вот и отлично, – коротко отчеканил Джеймс. – Тогда всего хорошего.

– До скорой встречи.

Уже удалявшемуся Хэндри, почти растворившему свой разум в благостной тишине опустевшего отеля, «американец» не преминул напомнить:

– Да, только не забудьте предупредить консьержку, чтобы в вашем номере не производили уборку.

Закрыв дверь, он чуть слышно пробормотал:

– Иначе весь персонал гостиницы кинется искать безумца, который закидывает бумажные обрывки в номера посетителей... и ведь, чего доброго, найдут!

Сев за стол, Джеймс погрузился в размышления, от которых его лицо сделалось хмурым и совершенно далёким от блёклых салатных стен гостиничного номера. «Что за слежка привиделась этому Хэндри? Фантазии или реальность? А если реальность – тогда кто? Быть может, Хэндри зазевался и не заметил какого-нибудь полицейского, проявившего излишнюю бдительность? Или... впрочем, нет, иное просто невозможно – канал связи был использован впервые, и знали о нём лишь несколько человек с самого верха».

Джеймс откинулся на спинку стула и попытался заглушить нестройный хор блуждавших в его голове мыслей.

«В любом случае, – решил он, – гадать было бессмысленно. О связи, которая виделась ценнейшим источником информации, следовало забыть, и передать шифрограмму в центр. И всё же она успела принести результаты». Джеймс снова вспомнил о конверте. Тонкими длинными пальцами он подтянул его к себе и аккуратно надорвал посередине. Внутри, сложенные пополам, лежали исписанные ровными линиями печатных букв два листка бумаги. Достав первый, он принялся читать.

«Отлично! – размышлял Джеймс. – Копия протокола осмотра места преступления... так...». Он забегал глазами по строкам письма, тихо, по старой привычке, проговаривая часть текста вслух.

«На момент осмотра дверь в помещение находилась в закрытом состоянии. На двери и дверной коробке следов взлома, следов пальцев рук, пригодных для идентификации, и прочих следов не обнаружено. Комната прямоугольная, заставлена мебелью: книжным шкафом, столом и стулом... На столе обнаружены три остывших окурка сигарет жёлтого цвета... Обнаруженный пистолет лежит направленный дульным срезом в сторону входа. Расстояние от рукоятки до стены с дверным проёмом – 3,41 м, до мебельного гарнитура-шкафа – 4,57 м. Курок находится в разряженном положении... Пистолет длиной 19 см, чёрного цвета, с чёрными пластмассовыми накладными щёчками, в центре щёчки в круге – пятиконечная звезда, между концами звезды – буквы „СССР“... пистолет ТТ, самозарядный, образца 1933 года... В патроннике и в магазине патроны отсутствуют».

Свернув лист бумаги пополам и отложив его в сторону, Джеймс приступил к чтению второго письма. В нём информация оказалась содержательнее. В записке было следующее:

«Дорогому дядюшке Вилсону от его кузена Холби. По твоей просьбе купил всё необходимое. Мыло, духи, лечебные травы – в общем, всё, как ты просил. Если возникнет надобность приобрести что-нибудь ещё – пиши. Я обязательно выполню твою просьбу, если, конечно, это будет в моих силах. В семье нашей о твоём приезде знаю только я. Хотя не могу поручиться за обратное. Ты же знаешь: слухи, подобно призракам, носятся по нашему старому дому и зачастую опережают события намного вперёд. Кстати, о нашей семье. Мне кажется, в ней нет былого единства. Тётушка Мэри ведёт себя в последнее время странно. Дядюшка Пит начинает считать звёзды по ночам. Может, есть необходимость обратиться к специалистам? В любом случае ждём твоего приезда, особенно я.

P.S. Как и ты, читаю Шекспира. «Сон в летнюю ночь» – прекрасное произведение! Читал три дня подряд. Зачитываясь несколько раз, не замечал, как встречаю рассвет на набережной Виктории, в трёх с половиной милях от Вестминстерского моста. Гений, одним словом!»

Джеймс задумчиво почесал гладко выбритый подбородок и бесцельно повис взглядом у оконного выступа. Смысл текста, заставляющий непосвящённого человека задуматься о состоянии здоровья не только всей семьи, упомянутой в письме, но и самого автора, на самом деле легко взламывался при помощи отмычки, о которой был осведомлён Джеймс. Кодированные строки содержали следующее послание:

«Агенту М1 от сотрудника МГБ СССР Щербинского В. А. По вашей просьбе передаю запрошенные вами документы: копию протокола осмотра места преступления, составленного лондонской полицией, и пояснительную записку к нему. Если возникнет необходимость в иной информации, готов приложить все усилия для того, чтобы её достать. В подве-

домственном мне учреждении замечена активизация иностранных спецслужб, в связи с чем наблюдается некоторая нервозность у части сотрудников дипконсульства СССР в Лондоне.

P.S. Есть важная информация. Необходима личная встреча. Через три дня, третий этаж гостиницы «East wind», номер 232».

Джеймс устало поднял кверху глаза и, взглянув на висевшие поверх дверного проёма часы, сладко зевнул, передавая привет безжалостно прерванному сну.

Встряхнув головой, «американец» вновь окунулся в размышления, пытаясь усердно переварить поступившую информацию. «Итак... письмо получено от сотрудника МГБ, работающего под дипломатическим прикрытием в консульстве СССР. Далее... с чего Щербинский переполошился настолько, что просит о личной встрече? Вопреки здравому смыслу и всем директивам Центра. Глупо... глупо и безрассудно! Какая бы ни была информация, её можно было передать по каналам зашифрованной связи. Но Щербинский настаивает на личной встрече. Почему? Может, боится? Чего? Не связано ли это с ночным инцидентом Хэндри? В любом случае Щербинский работает со своей агентурой. Ни меня, ни участников моей сети он не знает».

Встав из-за стола, Джеймс заложил руки за спину и неспешно принялся расхаживать по комнате, продолжая выстраивать череду логических цепочек. Фигура Щербинского в этой шахматной партии, которую ещё только предстояло сыграть, была хрестоматийной и едва ли не ключевой в видевшемся ему сценарии. Единственным источником информации, которым Джеймс располагал в центре разворачивающихся событий, был именно он. Ни советское дипконсульство, ни резидентура МГБ о его прибытии осведомлены не были, а следовательно, ничего не знали. Это было правильно, но существенно осложняло пространство для манёвра.

Джеймс остановился у окна; его взгляд будто магнитом притянуло тихое безмерное полотно ночного города, расчерченное многочисленными огоньками. С высоты третьего этажа они казались тонкими полосками света, стягивающими тело разбитого на части исполина в единое целое.

«И всё-таки, – вновь мелькнула мысль, – почему Центр остановился именно на Щербинском?»

Джеймс попытался вспомнить фотографии, которые он просматривал перед отбытием в столицу британского королевства. Лицо Щербинского, немолодого человека с цепким взглядом, восстановить в памяти было несложно. И характерный ребячий прищур весёлых глаз, выдававший в нём легкомысленное отношение к жизни. Такие люди быстро вписываются в общество. У них, как правило, отличное чувство юмора, что, опять же, существенно облегчает общение с сослуживцами. Щербинскому доверяли. Наверняка кто-то в Центре делал ставку на этого человека. Весь послужной список говорил об этом. И всё же...

Джеймс отвернулся от окна и снова окунулся в унылую атмосферу небольшой комнаты, почившую в глухой непроницаемой тишине.

«Так или иначе, – наконец решил он, – до встречи, на которой настаивал Щербинский, оставалась ещё уйма времени. Его было более чем достаточно для того, чтобы понять, стоит ли подвергать себя такому риску. А раз так, – вторил он себе, – завтра нужно будет встретиться с „Лисом“».

Вполне удовлетворённый этой мыслью, «американец», уже успевший воспроизвести в памяти копию протокола и шифрованное донесение, резко чиркнул спичкой по деревянной поверхности стола – и тонкий язычок пламени в его руке, дрогнув, перескочил на конверт. Через секунду вещественные улики уже тлели в стеклянной матовой пепельнице, издавая едкий запах жжёной бумаги.

Проделав эту нехитрую операцию, он завалился на кровать и, поддавшись сладкому искушению, вновь оказался в плену безмятежного, спокойного сна.

Вычурная архитектура старого Лондона, тонувшая в лучах утреннего солнца, казалось, впитала в себя всю историю минувших веков с её пышным торжественным стилем и реликтовой гордостью. Былые страсти не трогали равнодушных людей, идущих навстречу. В сознании Джеймса они уже давно слились в единый георгианский ансамбль, сопровождающий его на всём пути к Сент-Джеймсскому парку. Это был особый шарм большого города – его дух, застывший в сером камне и говоривший больше о былом, о прежних временах, когда маленький остров, презрев опасность морской стихии, с какой-то необъяснимой фанатичностью кинулся покорять безбрежные просторы огромного мира. Пожалуй, в этом духе было много тщеславия. Но он по-прежнему был красноречив, приятен и вполне мог влюбиться в себя, приобщив к тайнствам старых переживаний.

И, вероятно, было бы Джеймсу в этом городе легко и уютно, но сердце его тоскливо сжималось под напором чужого мира – причудливо грезило былым. Всё было как-то не так: воздух, зажатый в каменных тисках шумных проспектов, казался сухим и жёстким; тусклое солнце, словно нехотя продиравшееся сквозь вереницы черепичных крыш, совершенно не грело и лишь неряшливо роняло холодный свет на серые тротуары улиц, и даже особое очарование старых зданий выглядело лишь пустым оформлением унылого пейзажа. Хотелось почувствовать такой далёкий, такой манящий вкус приволья, отогреться от холодной чужой осени. Всего лишь тихий шёпот мольбы, устремлённый к другому очагу жизни. Кто мог услышать? Кто мог понять? Но вдруг, из каких-то неведомых просторов, набравшись силы и воли, хлынул на пыльные улицы спасительный свежий ветерок. Какая блажь могла связать его с далёкими раздольями бескрайнего континента, какая фантазия вдохнула в него дух русских полей? Но отчего-то верилось в это, и слышалась знакомая речь, и чудилось бескрайнее небо далёкой Родины, закалённой горнилами тяжёлых сражений и оваянной славой великих побед. Как-то по-особенному преобразился мир, что-то родное зашептал ветер, даря давнюю усладу старых воспоминаний, и, мирно покачиваясь, закивали, будто соглашаясь со странной волей человека, верхушки старых деревьев.

Джеймс остановился и жадно вдохнул свежего воздуха. Этот глоток свободы словно оживил его, снял обострившуюся хворь и придал сил, подорванных долгими перелётами и бесконечными короткими ночами. Он благодарно покачал головой и, сунув руки в карманы брюк, беззаботно двинулся вперёд – навстречу новому, разлившемуся утренним солнцем дню.

Небольшое тихое озеро, спрятанное в самом центре Сент-Джеймсского парка, было заключено в изысканную каменную оправу, украшенную чёрным кольцом чугунной изгороди и рядами небольших скамеек. На одной из них у старого ветвистого дуба сидел, откинувшись на широкую спинку, Джеймс Колдбери. Сознание его мерно растекалось по тёмно-зелёному зеркалу воды, то скрываясь в разлившихся кляксах спутанных кронах деревьев, то блуждая меж ровных стержней уличных фонарей. В отражении изредка появлялись и одинокие, хмурые фигуры людей, но они не задерживаясь подолгу, исчезая в беспечном течении времени столь же внезапно, как и появлялись. Джеймс, впрочем, позволил себе ненадолго забыть о нём. Заглядывая в вечность, в холодное изображение спокойной воды, так легко было поддаться этому чувству, этому беспечному покою, в котором исчезал странный, беспокойный мир.

Впрочем, отрешиться от времени окончательно ему не позволила тень, мелькнувшая у самой кромки воды. Где-то глубоко в сознании, даже толком не обронив любопытного взгляда, Джеймс почувствовал, что это объект его интереса. Джеймс повернул голову. Неподалёку, метрах в пятнадцати от него, облокотившись на тяжёлые, чугунные перила ограждающей изгороди, стоял немолодой тучный господин в деловом чёрном костюме, который тот явно не боялся испачкать. Несмотря на свои габариты, мужчина выглядел бодро. Его вздёрнутые кверху аккуратные усики казались данью безнадёжно ушедшей эпохе. Однако они ему опреде-

лённо шли, и окружающие наверняка настолько к ним привыкли, что представить себе этого господина без них было уже решительно невозможно. К тому же они явно гармонировали с его лицом: с яркими, сверкающими янтарным блеском глазами, пристально смотревшими из-под густых бровей, с тонким вытянутым носом и открытым широким лбом. В общем, это была гармоничная личность с точно такой же внешностью. И это был Лис.

Занятие, которым был так увлечён объект, заставило Джеймса выдержать паузу и понаблюдать. Зрелище представлялось любопытным: дородный высокий господин отламывал толстыми пальцами куски от буханки ржаного хлеба и щедро сыпал их в воду, прикармливая пару белых лебедей, грациозно скользивших по кромке озера. Но то ли лебединая пара была не голодна, то ли незнакомец не вызывал у них никакого доверия – набухшие от воды куски хлеба так и продолжали плавать на поверхности озера, не вызывая ни малейшего интереса царственных созданий. Такое отношение крайне огорчало Лиса, и всякий раз проплывая мимо, неблагодарные «твари» удосуживались самых нелестных эпитетов, на которые, надо сказать, он был не менее щедр.

Наконец – видимо, когда иссяк запас бранных слов и улеглись эмоции, – что-то бормоча себе под нос, Лис плюхнулся на ближайшую скамейку и хмуро принялся наблюдать за тем, как солнце, зарываясь в пушистые кроны ветвистых вязов и вековых дубов, медленно тянулось к зениту. В эту минуту тягостных раздумий к нему и подсел Джеймс Колдбери.

– Мистер Лэсли? – учтиво поинтересовался Джеймс.

Тучный господин нехотя оторвался от любования изумрудного с желтыми переливами парка, внимательно осмотрел молодого человека и, окончательно убедившись, что видит его впервые, недовольно буркнул:

– Что вам угодно?

– Я прошу прощения, вы не уделите мне пару минут вашего времени? – вежливо попросил Джеймс.

– Мы знакомы? – с едва скрываемым раздражением пробормотал Лис.

– Едва ли, – честно признался Джеймс, – разве что заочно.

Незнакомец недовольно наморщил лоб и, отвернувшись от своего недолгого собеседника, пробормотал:

– Тогда всего хорошего.

– А как же хваленая английская учтивость? – не удержавшись, усмехнулся Джеймс.

– Я шотландец, – незамедлительно отреагировал Лис, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен.

– А-а-а... Тогда это многое объясняет, – согласился Джеймс.

Совершенно спокойно, так, будто его более ничто не волновало, он откинулся назад, облокотившись на изогнутую изящной волной спинку скамейки, и, бросив взгляд в отдалённую тишину бескрайнего неба, принялся насвистывать мелодию, в которой знающие люди, безусловно, угадали бы фрагмент одной из пьес Шекспира. Это привлекло внимание пожилого шотландца, и он с любопытством повернул голову, ожидая, в каком направлении будут развиваться дальнейшие события.

Широко вдохнув, Джеймс с выразительной интонацией тут же, будто его попросили, зачитал короткий отрывок:

«Весь мир – театр.
В нём женщины, мужчины – все актёры.
У них есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той:
Младенец, школьник, юноша, любовник,

Солдат, судья, старик...»

Лицо шотландца неожиданно округлилось, глаза удивлённо вонзились в Джеймса.

– «Как вам это понравится», – машинально сорвалось у него с губ.

– Мне не очень, – усмехнулся «американец». – Впрочем, теперь, мистер Лэсли, я думаю, мы сможем с вами всё-таки пообщаться.

– Надо же? – искренне удивился шотландец. – А мне уже стало казаться, что вы позабыли обо мне.

– А вам бы этого хотелось?

– Не буду лукавить, молодой человек. С возрастом я всё сильнее стал тяготеть к старческому покою.

– Я вас прекрасно понимаю, – согласился Джеймс. – Но не стоит переживать по этому поводу. Когда вы отойдёте от дел, наши отношения будут прерваны автоматически. И вы сможете спокойно наслаждаться жизнью добропорядочного англичанина в какой-нибудь отдалённой глубинке острова, в собственном доме, или, может быть, даже в своём поместье.

– «Добропорядочный англичанин»! – хмыкнул Лис. – Хотелось бы знать, каким он должен быть, этот самый «добропорядочный англичанин»! – Порыскав взглядом по пустым аллеям парка, он продолжил: – Знаете, давно хотел сказать: вам нужно сменить этот тайный код идентификации.

– Неужели?

– Да... Вы, русские...

– Тссс! – шикнул Джеймс, приложив к губам палец.

– Хорошо, – понизив голос, прошептал Лис. – Вы чересчур увлечены мировой классикой. Здесь, в Лондоне, цитаты невпопад Шекспира могут привлечь ненужное внимание, и потом звучит слишком тривиально...

– Мы обязательно над этим подумаем, – пообещал Джеймс. – А теперь давайте ближе к делу.

– Конечно, – согласился Лэсли. – Но только для начала мне бы хотелось всё-таки знать, с кем имею честь беседовать.

– Джеймс Альберт Колдбери, – представился «американец».

– Итак, мистер Колдбери, какое дело привело вас ко мне?

– Дело господина Смолина.

Лэсли подозрительно окинул взглядом прилегающую территорию.

– А вы уверены, что выбрали безопасное место для подобных разговоров?

– Насколько я могу судить, да, – беззаботно отреагировал Джеймс, подкрепив своё отношение доверительной и лёгкой улыбкой.

– Впрочем, что может быть безопасней, чем беседа в утренние часы в сердце Сент-Джеймского парка? – согласился Лэсли и тут же дополнил это глубокомысленным замечанием. – Если хочешь что-то спрятать, оставь у всех на виду.

Опытный, умудрённый жизнью человек, обладающий к тому же целой россыпью полезных связей, Лэсли безусловно чувствовал себя особым элементом в тайной сети советской агентуры, и Джеймс старался не разрушать эту конструкцию, всячески подыгрывая подобному тону.

Успевший как следует осмотреть живописные окрестности осеннего парка, Лэсли неспешно заложил ногу за ногу, готовясь к долгому разговору, на который никак не был настроен ещё несколько минут назад, и, поморщив лоб, принялся рассуждать:

– Дело господина Смолина... ну конечно, смерть чиновника в столь высокой должности, к тому же действующего работника дипмиссии – это всегда событие чрезвычайной важности. И наверняка в этом деле полно всяческих нюансов.

Джеймс задумчиво потёр подбородок.

– Вы знаете о нём только из газет?

Лэсли самоуверенно хмыкнул.

– Какая разница, откуда поступает информация, мистер Колдбери, главное – чтобы она соответствовала реальности или, по крайней мере, той её части, из которой впоследствии можно будет сделать правильные выводы. Впрочем, вы правы: самоубийство фигур подобного ранга, так или иначе, рождает поводы для разговоров – неважно, обоснованны они или нет.

– А вы считаете, такие разговоры беспочвенны? – поинтересовался Джеймс.

– Ну почему же? Вовсе нет. По поводу Смолова... что ж, не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, что наша разведка вплотную занималась именно им, – как вы понимаете, подобной информации у меня нет и быть не может, – однако точно могу подтвердить, что определённый интерес они всё же проявляли.

– В чём он выражался?

– Ну знаете, такая лёгкая форма обкатки. Вполне стандартная форма для работы с сотрудниками дипмиссий. Да, в общем, вам не хуже меня должно быть известно, как это происходит. Как я уже говорил, детали мне неизвестны.

– Ну хорошо, – не настаивал Джеймс. – А как вам кажется, насколько они преуспели в этом отношении?

– Думаю, что не очень, – буркнул Лэсли после недолгих раздумий. – С мистером Смоловым достаточно было пообщаться всего пару минут, чтобы понять, что это тёртый калач. Настоящий патриот, убеждённый в том, что если и есть на свете райское место, то только лишь в одной точке пространства – и это его родина! Такому человеку решительно трудно что-либо предложить взамен.

Джеймс усмехнулся. В таких делах он действительно понимал гораздо более своего собеседника. Знания и опыт подсказывали ему, что практически любого человека, независимо от его воззрений, веры и взглядов на жизнь, можно было привлечь к агентурной работе. Человек всегда остаётся человеком. И в этом не только его сила, но и слабость, которой можно легко воспользоваться, если грамотно провести работу в нужном направлении. А если внимательно покопаться, то в каждом можно было найти что-нибудь этакое. Кто-то честолобив, кто-то озлоблен, нерешителен или не удовлетворён – жизнью, работой, условиями, собой... не так важно; в конце концов, человек может быть просто глуп. Любой из этих ключей мог открыть виртуозам вербовки путь к информации, представляющей особый интерес. И даже, казалось бы, совершенно положительные качества человека, такие как любовь или преданность, могли быть совершенно легко использованы против него самого. Были бы желание и время, а уж способ найдётся... целые группы профессионалов оставят мало шансов своей жертве. Только внимательная работа над собой могла помочь избежать этих ошибок. Но человек всегда остаётся человеком!

– А насколько часто вы общались с господином Смоловым? – после недолгой паузы поинтересовался Джеймс.

– Всего три... ну, может быть, четыре раза. Мы были плохо знакомы. Виделись только на общих дипломатических приёмах, где собирались сотрудники дипмиссий.

– А когда последний раз?

– Последний раз? – Лэсли задумчиво наморщил лоб. – Припомнить бы... Да, верно! В последний раз мы встречались примерно месяца за три до его кончины.

– Май-Июнь текущего года, – машинально произнес Джеймс

– Да, где-то в этих числах.

– Наверное, ваша встреча проходила в неформальной обстановке? – предположил Джеймс.

– Вы абсолютно правы. И даже более того, тот вечер неплохо отложился в моей памяти. Часть сотрудников нашего отдела, в числе которых был и ваш покорный слуга, имели честь быть приглашёнными на вечер к мистеру Дэвиду В. Келли в его загородное поместье. В этом мероприятии, что называется «без галстуков», принимало участие большое количество лиц, в числе которых были и представители дипломатической службы. Советское дипконсульство представляли господин посол и несколько его помощников. Среди этих людей был и мистер Смолов, которого я встретил в одном из залов. В тот момент он был предоставлен самому себе. Я поприветствовал его, и мы недолго пообщались – наверное, не более пяти-семи минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.